

С.М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

ВОЛЬНАЯ РУСЬ

(отрывок из книги «Россия под властью царей»)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Глава I. Мир.....	5
Глава II. Вече.....	10
Глава III. Русская республика.....	12
Глава IV. Пережитки самоуправления.....	17
Глава V. Становление деспотизма.....	21
Глава VI. Власть церкви.....	27
Глава VII. Русская теократия.....	31
Глава VIII. Великий реформа гор.....	36
Глава IX. Освобождение крестьян.....	42

ПРЕДИСЛОВИЕ

С.М.Кравчинский был одним из самых замечательных, необыкновенных людей в русском революционном движении, в русской литературе, в европейском общественном движении XIX века. Друг П. Кропоткина, Софьи Перовской, Веры Засулич и других известнейших революционеров. Он сам ввел активную борьбу. Одним из переломных моментов его жизни явилось 4-ое августа 1878 года, утром, когда на людной площади Петербурга ударом кинжала Кравчинский убил генерала Мезенцова. Это была неслыханная удача - палач убит, а Кравчинскому удалось скрыться. Весь Петербург пребывал в смятении, столица будто на военном. положении. Вся полиция по личному распоряжению царя ищет смельчака. А он - здесь, ходит по мостовым столицы, пишет брошюру "Смерть за смерть" с объяснением мотивов покушения. Брошюра вышла из печати, выходит первый номер газеты "Земля и воля"... В конце 1878 года друзья все же заставили Кравчинского уехать за границу. Он думал - на несколько недель, оказалось - навсегда. Для служения родине Кравчинскому оставалось только перо. Он писал статьи для русских журналов, в его переводе были опубликованы многие произведения итальянских, испанских, немецких писателей. Эти переводы давали ему и средства на жизнь. Но вся эта подцензурная работа, невозможность писать свободно крайне угнетали его. Борьба народовольцев привлекла внимание всего мира. В газетах и журналах Франции, Англии, Германии русских революционеров, или "нигилистов", изображали злодеями и разбойниками. Кравчинский считал своим долгом рассказать правду о деятелях русской революции, показать всему миру благородство своих товарищей по борьбе, привлечь симпатии передовой Европы к этой борьбе. Он писал товарищам в Россию в начале 1882 года из Италии: "Нужно наконец помирить Европу с кровавыми мерами русских революционеров, показать, с одной стороны, их неизбежность при русских условиях, с другой - выставить самих террористов такими, каковы они в действительности, т.е. не каннибалами, а людьми гуманными, высоконравственными, питающими глубокое отвращение ко всякому насилию, на которое только правительственные меры их вынуждают".

Вскоре одна миланская газета предложила Кравчинскому написать серию очерков о русском революционном движении. Кравчинский с радостью согласился и был чрезвычайно увлечен этой работой. Вскоре в Лондоне вышла его книга на английском

языке "Россия под властью царей". Она имела большой успех и в том же, 1885 году была издана вторично, через год появилось ее третье издание, а еще через год, в 1887 году, - во Франции и в Швеции.

Всемирный успех книги "Россия под властью царей", огромный интерес к ней во многих странах, в разных слоях общественности говорят о непреходящем значении этого замечательного историко-публицистического документа. Значения, выходящем далеко за рамки той эпохи. По этой книге европейский и американский читатель знакомился с краткой историей России и с современным ее положением. Узнавал о произволе жандармерии, о бесправности подданных Российской империи, о состоянии образования и просвещения, о тяжком положении подцензурной печати в жестокие 80-е годы XIX столетия, известные разгулом мрачной реакции, наступившей в стране после убийства Александра II. Сущность правительственной политики в то время сводилась к тому, чтобы политически и экономически законсервировать Россию, затормозить развитие буржуазных отношений, известный простор для которых был открыт реформами 60-70-х годов, и опереться на крепостнические порядки, разгромить общественное и революционное движение. Идеологи реакции требовали сильной и грозной власти.

Резкой критикой бесчеловечных порядков царской России Степняк-Кравчинский стремился объяснить иностранному читателю, реабилитировать такие крайности русской революции, как терроризм, и утверждал мысль о возможном и неизбежном переходе России из-под власти царей - в Россию, где властвовать будет народ. "Моя книга, - писал Степняк своим товарищам, - тенденциозная, политическая, предназначенная для возможно большей массы публики. Я должен был сделать ее настолько серьезной, чтобы удар, наносимый русскому правительству в общественном мнении, был тяжелый, неотразимый, убивающий..."

Брошюра, которую вы держите в руках отрывок из книги "Россия под властью царей". Помимо исторических экскурсов, среди которых стоит отметить «Подпольная Россия», рассказывающая о трагичной жизни сотен тысяч людей против деспотизма, их буднях и борьбе. Кравчинский знаменит прекрасными романами как «Андрей Кожухов», и «Домик На Волге», которые советуем к прочтению.

Евгения Таратута

С. СТЕПНЯК

Лондон
7 апреля 1885 г.

Часть первая

РАЗВИТИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

Глава I

МИР

О народе, как и о человеке, судят по внешности. Поэтому деспотизм, властвующий над русским народом, рассматривается, естественно, как выражение и следствие национального характера. Правда, в последние годы в России появились люди - мужчины и женщины, равных которым по силе патриотизма и любви к родине не бывало во все времена. Однако в кажущейся тщетности их усилий общественное мнение Европы видит только лишнее доказательство неизменной рабской покорности народных масс, в одинаковой мере не способных понять свободолюбивые устремления и не желающих участвовать в освободительном движении.

Факты невозможно отрицать. Крестьянство, составляющее огромную часть русского народа, все еще проникнуто преданностью идеальному царю - порождению собственной фантазии - и все еще верит, что близок час, когда он изгонит помещиков из страны и раздаст их земли своим верным крестьянам.

Но если мы, не ограничиваясь этими чисто внешними обстоятельствами, глубже и серьезнее исследуем характер и жизнь простого народа, нас поразят многие его черты, как будто резко противоречащие общепринятым представлениям о его раболепии и приниженности.

В стране, где все зависит от воли самодержца, можно было бы ожидать, что низшие царские чиновники в порученной им ограниченной сфере деятельности наделены всей полнотой власти. Но в России дело обстоит иначе. Крестьянство деспотического государства - и в этом есть некое странное противоречие - пользуется, если не считать злоупотреблений властью, почти столь же широким самоуправлением, как сельские общины в Швейцарии или Норвегии. Сельская сходка, куда собираются все мужчины, уже вышедшие из-под отцовской власти, решает все дела, и эти решения не подлежат обжалованию. Со времени освобождения крестьян в 1861 году правительство произвело некоторые изменения в порядке сельского самоуправления. Создан, например, особый сельский суд в составе десяти судей, избранных на сходке, в то время как прежде по закону только мир, или народное собрание, вершил суд.

Правительство попыталось также прибрать к рукам мир и урезать его права, усилив власть старосты и признав правомочными лишь созванные им собрания; избрание же старосты должно утверждаться мировым посредником, назначенным правительством и местным дворянством. Однако в первоначальном своем виде, то есть в тех местах, где власти были недостаточно сильны, чтобы ограничивать права мира, общинная автономия не претерпела никакого ущемления.

Мир в Центральной России (в Южной России - громада) представляет крестьянскую концепцию верховной власти. Мир охраняет благоденствие всей общины и вправе требовать от каждого ее члена безоговорочного повиновения. Мир может быть созван самым бедным членом общины в любое время и в любом месте в пределах села. Общинные власти должны уважительно отнестись к созыву сходки, и, если они нерадивы в исполнении своих обязанностей, мир может без предупреждения отрешить их от должности, а то и навсегда лишить всех полномочий.

Сходки сельской общины, подобно собраниям "ландесгемейнде" в средневековых швейцарских кантонах, проводятся под открытым небом перед домом старосты, деревенским кабаком или в другом подходящем месте.

Что больше всего поражает тех, кто впервые присутствует на такой сходке, - это царящий там, как кажется, полнейший беспорядок. Председателя нет; обсуждение являет собой сцену совершенного ералаша. После того как член общины, созвавший собрание, объяснил побудившие его к этому причины, все наперебой спешат высказать свое мнение, и некоторое время словесное

состязание уподобляется всеобщей свалке в кулачном бою.

Слово принадлежит тому, кто сумел привлечь к себе слушателей. Если он угодит им, крикунов быстро заставят замолчать. Если же он не говорит ничего дельного, никто не обращает на него внимания и его прерывает первый же противник. Но когда обсуждается жгучий вопрос и атмосфера на сходке накаляется, все говорят разом и никто никого не слушает. Тогда миряне разбиваются на группы, и в каждой из них вопрос обсуждается отдельно. Все выкрикивают свои доводы во всю глотку; вопли и брань, оскорбления и насмешки сыплются со всех сторон, и поднимается невообразимый гам, при котором, казалось бы, никакого толку не получится.

Однако кажущийся хаос не имеет никакого значения. Это необходимое средство к достижению определенной цели. На наших сельских собраниях голосование неведомо; разногласия никогда не разрешаются большинством голосов. Всякий вопрос должен быть улажен единодушно. Поэтому общий разговор, как и групповые споры, продолжается до тех пор, пока не вносится предложение, примиряющее все стороны и получающее одобрение всего мира. Несомненно также, что полное единодушие может быть достигнуто лишь после тщательного разбора и всестороннего обсуждения предмета спора. И для того чтобы устранить возражения, существенно важно столкнуть тех, кто защищает противоположные мнения, и побудить их решить свои несогласия в единоборстве.

Описанный мной способ разрешения споров чрезвычайно характерен для русской сходки. Мир не навязывает меньшинству решений, с которыми оно не может согласиться. Каждый должен идти на уступки ради общего блага, ради спокойствия и благополучия общины. Большинство слишком благородно, чтобы воспользоваться своим численным превосходством. Мир не господин, а любящий отец, одинаково благодетельный ко всем своим сынам. Именно этим свойством сельского самоуправления в России объясняется высокое чувство человечности, составляющее столь замечательную особенность наших деревенских нравов - взаимная помощь в полевых работах, содействие беднякам, больным, сиротам - и вызывающее восхищение всех, кто наблюдал сельскую жизнь в нашей стране. Этому же надо приписать безграничную преданность русских крестьян своему миру. "Что мир порядил, то бог рассудил" - гласит народная пословица. Существует много других подобных же пословиц, как, например: "Мир один бог рассудит", "Кто больше мира будет?", "С

миром не поспоришь", "Где у мира рука, там моя голова", "Хоть на заде, да в том же стаде; отстал – сиротою стал". Обязательным правом мира и при господствующем в стране строе одним из удивительных его свойств является полная свобода слова и споров на деревенских сходках. Обязательным, ибо как можно было бы решать дела и вершить суд, если бы члены общины не высказывали свободно своего мнения, а, опасаясь обидеть Ивана или Петра, прибегали к криводушию и лжи? Когда суровое нелицеприятие и правдивая речь становятся правилами жизни и освящаются традицией, от них не отступятся и тогда, когда на обсуждение будет поставлен вопрос, выходящий за рамки крестьянских будней. Наблюдатели нашей сельской жизни единодушны в своем утверждении, что, в то время как в городах слова, означающие "неуважение к властям предержажим", даже в частной беседе произносятся шепотом и слушают с дрожью, на деревенских сходках люди говорят открыто, критикуют те установления, которыми горожанам дозволено лишь восхищаться, невозмутимо осуждают самых высокопоставленных лиц правящей олигархии, смело ставят острый вопрос о земле и нередко порицают даже священную особу императора, от чего у чинного горожанина волосы стали бы дыбом.

Однако неверно было бы заключить, что такая вольность языка обнаруживает непокорный нрав, бунтарский дух. Это скорее укоренившаяся привычка, порожденная вековым обычаем. Крестьяне не подозревают, что, высказывая свое мнение, они являются нарушителями закона. Они не представляют себе, чтобы слова, взгляды, как бы их ни выразили, могли рассматриваться как преступление. Известны случаи, когда староста, получив по почте революционные листовки, по простоте душевной читал их вслух на деревенской сходке как нечто важное и любопытное. Если в деревню явится революционер-пропагандист, его пригласят на сходку и попросят прочитать или рассказать то, что он найдет интересным и поучительным для общины. Какой от этого может быть вред? А если история получает огласку, то крестьяне необычайно изумлены, услышав от жандармов, будто они совершили тяжкий проступок. Столь велико их неведение, что они верят, будто свобода слова – это право, данное каждому разумному существу!

Таковы главные черты нашего сельского самоуправления. Нет ничего более удивительного, чем контраст между установлениями для сельчан и учреждениями, призванными

блюсти жизнь высших слоев общества. Первые являются по существу демократическими и республиканскими; последние зиждутся на имперском деспотизме и строжайших принципах бюрократической власти.

Неизбежным результатом этого несоответствия, столь бесспорного и поразительного, существующего уже веками, явилось одно важнейшее обстоятельство - резко выявившаяся тенденция русского народа держаться подальше от государственной власти. Таково одно из самых разительных его свойств. С одной стороны, крестьянин видел перед собой свой мир, олицетворение справедливости и братской любви, с другой - официальную Россию, представленную чиновниками и царем, его судьями, жандармами, министрами, - на всем протяжении нашей истории воплощение алчности, продажности и насилия. В этих условиях нетрудно сделать выбор. "Лучше виноватым стоять перед миром, чем невинным перед судьей", - говорит нынешний крестьянин. А его предки говорили: "Живи, живи, ребята, пока Москва не проведала".

Русские люди издревле остерегались общаться с чиновничьей Россией. Оба сословия никогда не смешивались, и именно поэтому политическая эволюция поколений так мало повлияла на нравы миллионов трудового люда. Не будет преувеличением сказать, что жизнь всей массы народа и жизнь его высших классов лилась двумя близкими, но отдельными потоками. Простой народ живет в своих крошечных республиках, как улитка в раковине. Для него официальная Россия - чиновники, солдаты и полицейские - орда чужеземных захватчиков, время от времени засылающая на село своих холопов, чтобы взимать с него дань деньгами и кровью - подати для царской казны и новобранцев для армии. Однако в силу удивительной незакономерности - одного из тех странных контрастов, которыми, как сказал один знаменитый географ, полна земля русская, - эти самобытные республики, пользующиеся столь широкой общественной и личной свободой, одновременно представляют собой надежнейший оплот, крепчайшие устои деспотического режима.

Позволительно спросить, по какой прихоти судьбы или капризу истории произошла эта вопиющая аномалия? Каким образом учреждения, находящиеся в столь кричащем противоречии со всем нашим политическим строем, как эти крестьянские парламенты могут процветать под властью деспотического монарха?

Но эта аномалия лишь кажущаяся; мы не стоим ни перед загадкой истории, ни перед случайным стечением маловажных обстоятельств. Я придаю столь великое значение нашей системе народного самоуправления, ибо убежден, что форма, которую она принимает, и идеи, на которых основывается, гораздо более соответствуют политическим устремлениям русского народа, чем самодержавие и централизованная форма существующего режима. Если и есть нечто незакономерное в нашем государственном устройстве, нечто навязанное народу внешними и случайными явлениями, то это сама деспотия.

Глава II

ВЕЧЕ

С древнейших времен русской истории обширная страна, ныне называемая Россией, была разделена на отдельные княжества, различные по размерам своих владений, со стольным городом и несколькими большими и меньшими пригородами и селами. Однако князья в этих землях не обладали верховной властью. Князь был блюстителем земли по уговору, а всей законодательной и исполнительной властью было облечено народное вече.

На вечевой сход собирались свободные граждане без различия имущества и звания, и князь был всего лишь на службе у народа и подчинялся его воле. По заведенному обычаю князья из поколения в поколение избирались из одного воинственного княжеского рода, и все они вели имя от Рюрика, легендарного основателя Русского государства. Однако право наследования не было возведено в непреложный закон. Вече такого права не признавало, и, когда местный князь оказывался населению не по нраву, оно призывало на стол другого, более подходящего, правителя. Князь был подвластен народу, а не властителем его, идея подвластности народа возникла лишь столетия спустя. Все же народ редко пользовался своим правом. В русской истории известны лишь немногие случаи изгнания местного князя и замены его чужеземным предводителем; и только однажды, когда народ Галицкой земли решил свергнуть князя, в княжеское звание был возведен простой боярин. Между тем обычай избирать правителей из одного рода вовсе не означал ограничения свободы

выборов. Княжеский род так сильно размножился, пускал столько боковых ветвей в различных русских землях, что подходящие кандидаты всегда находились в избытке.

Некоторые историки так называемой московской школы из чистой любви к монархическим принципам утверждают, будто они открыли происхождение самовластия в якобы существовавших у князей Древней Руси законах преемства и правах первородства. Но более глубокие и беспристрастные исследования новой школы показывают, что таких законов не было и такие права не признавались; отношения между правящим князем и народом в каждом случае устанавливались вечно. Разумеется, ближайший родич правителя имел наибольшие возможности показать себя в выгодном свете. В Древней Руси, как у всех патриархальных народов, старость внушала всеобщее уважение, и, если князь умирал или его изгоняли, преемником обычно избирался его старший брат, являвшийся чаще всего и главой рода или той его ветви, которой народу угодно было оказать эту честь. Но допустим, что брат не пользовался любовью народа, тогда его обходили и выбор падал на сына последнего князя. Или опять-таки если народ желал, то оба они, и племянник и дядя, вытеснялись князем, чье родство с владетельной княжеской линией было столь отдаленным, что его почти уже невозможно было проследить. Ибо родословная сама по себе ничего не стоила в этом деле, и древняя история России дает множество свидетельств тому, что единственное непреложное право устанавливать преемство принадлежало вечу. Призвание князя было только первым шагом к его избранию. Затем следовало подписание соглашения - ряда - между городом и новым правителем. Обе стороны торжественно присягали соблюдать уговор, и без ряда князь не мог считать свое положение достаточно прочным. Ряд - это, в сущности, конституционный договор, определяющий взаимные обязательства сторон.

Условия ряда подвергались изменениям не только в различных княжествах и в разные времена, но и с отдельными князьями. Все же главные условия были почти тождественны. Высшее назначение князя - "суды судити". В небольших княжествах он один выполнял эту обязанность, и во многих рядах особо оговаривалось, что князь должен судить сам, а не через своих приказных, так как народ больше верил в беспристрастность и независимость своего князя. В позднейшие времена, когда князья, проникшись уже иными идеями, стали нарушать права народа, в

рядом обозначалось, что князь вершит суд только с помощью тиуна, назначенного вечем.

Второй, и едва ли менее важной, обязанностью князя была оборона земли от внешних врагов. Но право объявлять войну и распоряжаться войском, состоявшим из всех граждан, способных носить оружие, принадлежало вечу. Князь, который обычно с малолетства привык владеть оружием, назначался воеводой лишь после объявления войны, а в крупных княжествах он делил эту обязанность с избранным вечем военным старшиной. На службе у князя всегда состояло более или менее многочисленное наемное войско, вольные стрелки наполовину из местных людей и наполовину из иноплеменных, так называемая дружина, то есть "друзья князя". Они и вправду были друзьями князя, собирались день-деньской в княжеской палате, сидели с ним за одним столом - его наперсники в увеселениях и сподвижники в борьбе. Князь содержал дружину на собственные средства: либо на деньги, отпущенные ему вечем, либо на личные доходы. Если он задумал отправиться на войну, вече вправе было отказать ему в помощи ополчения. Однако князь мог воевать на собственный страх и риск вместе со своими дружинниками, и этим правом князья в те времена часто пользовались к большой своей выгоде. Дружина, вернее, соратники князя следовали за ним повсюду. Когда он покидал свой стол, чтобы княжить в более богатой или крупной земле, они сопровождали его и разделяли его удачу. Но если вече прогоняло не любившегося ему князя, дружина изгонялась вместе с ним. Подобные переходы князей со стола на стол были в порядке вещей, и редко кто не занимал в продолжение своей жизни полдюжины престолов (или "столов", по бывшему тогда в употреблении многозначительному выражению).

Смена правителей происходила без особых конфликтов. Когда князь становился негоден городу, вечу просто надо было собраться и произнести сакраментальную фразу: "Приветствуем тебя, княже!" После этого светлый князь удалялся, испытывая к своим бывшим избирателям не большую недоброжелательность, чем, скажем, провалившийся на выборах кандидат в члены английского парламента. Если преемник не оправдал ожиданий и вече, изменив свои намерения, снова призывало прежнего князя, последний с величайшей готовностью садился на стол. Бывали случаи, когда в том же городе тот же князь избирался, прогонялся и снова призывался три-четыре раза подряд.

Таким образом, княжества в средневековой Руси вопреки монархической форме правления в действительности были отдельными свободными республиками. Республиками их называет также один из лучших наших современных историков, Костомаров, хотя он из осторожности и помня о цензуре избегает употребления латинского термина, заменяя его равнозначным славянским выражением "народоправство". Князья, по существу, были наемные воины с боевыми отрядами, которых республика практически брала себе на службу. Такой уклад во многом сходен с положением, существовавшим в небольших итальянских республиках средневековья, с той единственной разницей, что русские *condottieri* составляли особую касту и происходили из одного владетельного рода.

Однако этот факт ни в коей мере не ущемлял демократического строя того времени, ибо самое поразительное в нашей древней истории - полное отсутствие каких-либо тиранических тенденций. Лишь редко случалось, что князь силой оружия сопротивлялся воле народа. Это значило бы слишком много потерять и слишком мало выиграть. Полуоседлый народ, обитавший в стране, столь редко населенной, что земля не представляла ценности, едва ли испытывал особенно крепкую привязанность к месту. Равно и князь не питал чрезмерной приверженности к своему стольному городу. Кочуя так же, как кочевал народ, князь и его дружина довольно безразлично относились к тому, куда направиться или где обосноваться. Князь сам для себя, а дружина для своего князя стояли лишь на страже своих интересов, то есть ценили город покрупнее и кормление пожирнее. Поэтому не к выгоде князя было противиться воле веча, ибо такое пятно на его репутации значительно ограничило бы возможности дальнейшего возвышения. Да и вообще на крайний случай он всегда мог найти какое-нибудь захудалое княжество, готовое принять его, ибо, посадив на стол князя вместо простого посадника, город приобретал большую славу и независимость. А тем временем наш князь мог уверенно смотреть в будущее в ожидании чего-либо лучшего. Князья так часто прогонялись из стольных городов и раздоры с вечем были столь обычны, что княжескому искателю приключений с добрым нравом, если он не зевал, нетрудно было добиться возжеленного возвышения. Во всяком случае, предприимчивый князь всегда мог добиться богатства и славы силой оружия, за счет своих менее воинственных родичей. Эти завоевания отнюдь не таили в себе ничего тиранического или враждебного свободе. Популярному князю нечего было бояться

нападения, ибо его противники знали, что на его защиту встанет не только дружина, но и все народное войско. Если же князь не снискал особой любви, то народ равнодушно относился к тому, победил ли князь или потерпел поражение. В последнем случае город охотно принимал в качестве правителя победившего князя. Вече избирало его своим князем, незамедлительно подписывало с ним ряд, и после принесения присяги он приступал к исполнению своих обязанностей. Все происходило в точности так же, как если бы он получил княжение обычным путем. Но стоило ему в свою очередь потерять доверие своих избирателей, как применялся простой и верный способ отделаться от него. Вечу надо было лишь предложить свой стол на более выгодных условиях другому князю, известному своими ратными подвигами. Последний появлялся на сцену со своей дружиной, с помощью горожан свергал соперника и садился княжить вместо него.

Сохранением своих вольностей республики Древней Руси обязаны главным образом княжеским уособицам. Стольным городам - а они своим примером, разумеется, влияли на другие города - благодаря обширности их земель и необычайному рвению в защите свобод неизменно удавалось обращать распри между князьями в свою пользу.

Отношения, сложившиеся между князьями и вечем, объясняют, почему на Руси без особых усилий и внутренних неурядиц возможно было отстоять столь полную и всенародную свободу. Все другие республики как в античном мире, так и в средневековье были, так сказать, ограниченными республиками или конституционными демократиями, и воля народа в большей или меньшей степени всегда сдерживалась другими социальными силами. Между тем наши древние русские республики были абсолютными и неограниченными демократиями. Верховная власть принадлежала народу. Каждый из сограждан имел равный голос в делах государственных, и ни правящий князь, ни другие выборные лица по закону не имели никаких преимуществ перед другими. Вече могло отменять все княжеские указы. Хотя князь назначал своих служилых людей, помогавших ему в управлении, но вече утверждало его выбор и могло прогнать его ставленников. Князь не волен был защищать их; и вече так же мало стеснялось чинить управу княжескому слуге, как и собственным избранникам. Ни князь, ни другие должностные лица не назначались на определенный срок. Все сохраняли свои посты, пока того желал народ. Одни только епископы формально избирались пожизненно, но и они подчас

изгонялись из города. Вече представляло, таким образом, высший орган власти, управлявший всеми делами государства. Не существовало никакого разделения власти; вече - глас народа и выразитель его воли. Словом, республики Древней Руси были государствами, несложными по своим общественным учреждениям и чисто демократическими по политическому строю.

Глава III

РУССКАЯ РЕСПУБЛИКА

Если мы по отрывочным сведениям, разбросанным в древних летописях, попытаемся нарисовать живую картину вечевого уклада, нам со всей наглядностью и с разительной очевидностью представится простой, незамысловатый характер нашего древнего республиканского строя.

По обе стороны реки Волхова, недалеко от озера Ильмень, раскинулся знаменитый Новгород, ныне лишь небольшой губернский город с восемнадцатью тысячами жителей, но несколько веков назад один из величайших городов Европы, за богатство и могущество справедливо заслуживший название Северная Венеция. В XIV и XV веках Новгород был столицей обширной республики; она охватывала северную половину нынешней России, простираясь до Уральских гор, и в пределах ее владений находились волостные города и торговые посады. Благодаря блестящему месторасположению на перекрестке великого торгового пути, соединявшего средневековую Европу с Левантом, расцвету торговли и ремесел и усердию своих сынов Новгород стал гордым и могучим и на протяжении столетий успешно защищал свои вольности от все растущей власти московских царей. Только в XVI веке Москве окончательно удалось преодолеть сопротивление героической республики.

Ни одна из древних русских республик не достигла такой силы и такого блеска, как Великий Новгород, ни одна из них не оставила столь богатых летописей о своем славном прошлом. В бесценных документах мы находим редчайший материал для изучения древних общественных установлений на Руси.

На одной из площадей обезлюдившего ныне города приезшему показывают место, где по удару висевшего там большого вечевого

колокола собирался державный народ. Священная веревка колокола принадлежала всем, каждый посадский человек был вправе созвать вече для обсуждения любого вопроса, касавшегося благополучия граждан или государства. Народ был властелином, даже деспотом, как видим, подчас гневным и вспыльчивым, но неизменно благородным и добрым, как легендарный восточный царь, отец своего народа, всегда доступный самому худородному из своих подданных, всегда готовый исправить причиненное зло и сурово наказать извергов - богатых и сильных. Никто не отважился бы зря, по маловажному поводу нарушить покой дремлющего льва; тем более никто не мог бы помешать беднейшему горожанину созвать народ и подать жалобу на нанесенную ему обиду, кто бы ни был обидчик - посадник или князь, и заставить его явиться и держать ответ на вече.

Правила созыва веча были несложны, и народные собрания проводились почти без всяких формальностей. Верховная власть принадлежала всей массе народа, и, где бы, когда бы он ни собирался, его воля была законом. В летописях, например, повествуется о том, как новгородское ополчение, расположившись лагерем перед лицом врага, провело вечевое собрание и приняло решения, считавшиеся столь же обязательными, как если бы они были вынесены посадскими людьми на главной площади стольного города.

Но что отличает наше древнее вече, как и наши миры, от всех подобных народных собраний - это отсутствие всякой системы голосования. В любой другой республике, какой бы она ни была свободной и демократической, - в Спарте и Риме, в Афинах и Флоренции - всегда в той или иной форме голосовали, и основой их политического порядка являлся принцип подчинения меньшинства решению большинства. Этот принцип, как нам представляется, противен славянской натуре. Я говорю славянской, а не русской, ибо у всех славянских народов, обладавших подлинно свободными общественными учреждениями, мы неизменно обнаруживаем, что совесть народа приемлет один лишь принцип - принцип единогласного решения. В Польше этот принцип воплотился в незыблемом законе, и ничего не могло быть губительнее и нелепее этого закона. В польском сейме достаточно было одному человеку, который мог быть подкуплен внешними врагами, крикнуть свое *liberum veto**, чтобы сделать недействительным решение всего собрания. В республиках украинских казаков по обе стороны Днепра и в воинственной

Запорожской Сечи тоже господствовал принцип единогласия - при издании законов там никогда не применялось голосование. Однако бывало, что более многочисленная или, во всяком случае, более сильная партия находила действенный способ побороть оппозицию. Когда возникал особенно важный вопрос, например избрание атамана или старшины, и ни одна из спорящих сторон не намерена была уступить, обычно в ход пускались кулаки, и, после того как более слабую группу в досталь полупили, она отказывалась от сопротивления, достигалось желанное единодушие и кандидаты избирались при всеобщем, шумном одобрении. Споры иногда разрешались и более быстрым путем - ножами вместо кулаков.

* свободное вето (лат.).

Вече на Руси, особенно в Новгороде Великом, о котором мы осведомлены подробнее, чем о других, временами тоже бывало весьма бурным. Летописцы сообщают о частых горячих спорах, изредка кончавшихся кровавыми побоищами и смертоубийством. Но, судя по всему, то бывали лишь исключительные случаи. Республика не могла бы существовать, тем более достигнуть процветания и могущества, если бы в ее столице постоянно шла гражданская война. Как правило, в споре одерживала верх умеренная позиция и расхождения преодолевались мирно, путем взаимных уступок. Мягкость и восприимчивость славянского характера допускали самое широкое применение принципа, основанного на благородном чувстве - уважении к правам меньшинства, чувстве, объявленном одним выдающимся английским публицистом основой истинной свободы.

Глава IV

ПЕРЕЖИТКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ

В органах управления наших древних государств мы видим, следовательно, ту же удивительную черту, которая отличает скромные сходки в безвестных деревнях, - принятие законов путем единодушного решения. Но, как уже упоминалось в первой главе, это отнюдь не единственная

общая черта, присущая вечу и миру. Сходство обнаруживается и в частностях. Можно даже сказать, что их тождественность почти полная, и это представляется нам явлением необыкновенно примечательным, если учесть, как различны условия, в которых действовали эти два органа самоуправления, и каким длительным временем они разделены: вече исчезло много веков назад, а мир в деревне сохранился и доселе. По своему укладу, несложным функциям и беспорядочному характеру собраний общинный сход является не чем иным, как пережитком вече, правда в гораздо меньшем масштабе, но без существенных изменений в его организации. Если и существует тут различие, то, безусловно, меньше, чем, скажем, между домашней кошкой и бенгальским тигром или между пугливой ящерицей, прячущейся при малейшем шорохе в ближайшую щель, и свирепым ящером, обитающим в реках Латинской Америки; невзирая на их кажущуюся разность, оба принадлежат к одному семейству, близкое сходство между миром и вечем не подлежит сомнению, и нетрудно было бы проследить замечательную преемственность нашей древней системы народного самоуправления.

Собираться, обсуждать свои дела, обеспечивать свои нужды и управлять своей общиной - привилегия свободных людей, и вече было единственной формой правления, приемлемой для средневекового славянина.

Даже наши корабельщики, храбрые новгородские ушкуйники, одновременно воины и гости-мореходы, плывя по морям и рекам целыми компаниями, как средневековые каменщики или современные рабочие артели, вместе со своими товарами несли в неведомые края и вече со всем его укладом. Наряду с вечем Великого Новгорода, деяния которого описаны в старинных летописях, местные веча были и в менее крупных городах, а сходы - в бесчисленных деревнях, разбросанных по всей русской земле. Вечевой уклад в больших и малых городах был совершенно сходен по своему характеру. Но в борьбе за существование, борьбе не менее реальной в области политической, чем в животном мире, крупные организмы - городские веча погибали, как те допотопные исполины, которые вопреки своим размерам либо не способны были устоять против врагов, либо не могли выжить в изменившихся, неблагоприятных для них климатических условиях. Веча в меньших городах разделили судьбу своих старших братьев, в то время как сельские сходы, неуязвимые благодаря самой своей незначительности, живут и остаются неизменными. И вот мы видим перед собой

любопытный, если не единственный в своем роде, пример из исторической палеонтологии - сохранение в течение столетий древнего установления при совершенно изменившемся и по своей сущности враждебном ему политическом строе.

Позволительно спросить, каким образом могла произойти такая аномалия? Очень просто, таким же путем, каким маленькая рыбешка спасается через петли большой сети. Всякая форма правления основана на принципе податного обложения. Государство так же не может существовать без денег, как человек без принятия пищи. Но в полудикой, малоцивилизованной стране с огромными пространствами и совершенным бездорожьем, с населением, всегда находящимся в движении, насилем ничего нельзя достигнуть и за редким исключением отдельных членов общины нельзя ни обязать, ни принудить. Правительство может принимать законы и требовать податей, но оно не в силах обычными средствами заставить повиноваться законам и платить подати. По этой причине царское правительство во все времена было вынуждено признавать сельские общины, подтверждать их привилегии, обращаться с ними как с независимыми корпорациями и позволять им решать свои собственные дела. Поземельные списки находились не у владельцев земли, а в общинах. Подати исчислялись на основе этих списков и вносились сообща всей деревней. Если общинник уходил из деревни и не вносил своей доли налогов, казна не терпела убытка, она взимала ту же сумму, пока не составлялись новые списки, что могло растянуться на годы.

Такова была податная система, проводившаяся последовательно всеми правителями России - князьями, ханами, царями и императорами. Никакая другая система не была возможна. Даже крепостничество не могло уничтожить сельского самоуправления, и крупные помещики, владевшие и землей, и живыми душами, никогда не пытались ограничивать независимость общины. Все политические бури, пронесившиеся над страной, так же не могли поколебать сельский мир, как яростные ветры, пролетающие над океаном, не могут нарушить спокойствия в его беспредельных глубинах. На мир могут лишь повлиять новые принципы экономического строя, но на этом вопросе я не могу остановиться в настоящей книге. Сохранение самоуправления среди простого народа - это в высшей степени примечательный факт. Он свидетельствует о политической и экономической жизненности наших общин и объясняет, почему всякий раз, когда русский народ волен

управлять своими собственными делами, все снова и снова возникают старые республиканские установления. Это можно доказать множеством примеров.

В XIII и XIV веках, в период наибольшего развития московского самодержавия, десятки тысяч крестьян, спасаясь от невыносимого гнета, нашли пристанище в степях Яика (ныне Урал), Дона и Днепра. Беглецы, называвшие себя казаками, основали несколько военных республик, почти во всем сходных с чисто русскими республиками. Главное различие состояло в том, что казацкие общины, не имея княжеских родов, которые снабжали бы их правителями, избирали себе военного начальника - атамана, гетмана или кошевого, - исполнявшего те же обязанности, что и Рюриковичи в Древней Руси. Даже в наш век случалось (в 1830 г. в Старой Руссе и в других местах, а в 1856 г. в Орловской губернии), что повстанцы не ставили над собой правителя, а немедленно основывали республику *sui generis** и верховной властью наделялось народное собрание.

* своего рода (лат.).

Все эти факты позволяют с полной уверенностью утверждать, что глубоко ошибается тот, кто считает, будто русский народ инстинктивно оказывает предпочтение деспотическому образу правления. Напротив, как показывает история России, в русских живет такая сила стремлений к свободе, такая ярко выраженная склонность к самоуправлению - а ведь большинство людей приучено к нему с детства, - что они с восторгом осуществляют свои чаяния, как только у них возникает такая возможность.

Но что тогда представляет собой их монархизм, преданность царю, о чем так много толкуют? Монархизм русских крестьян - это концепция, относящаяся исключительно к государству в целом, ко всему государственному организму. Если бы крестьяне были предоставлены сами себе и были вольны воплотить в жизнь свои удивительные идеалы, они велели бы Белому царю оставаться на престоле, но прогнали бы и, наверно, перебили бы всех губернаторов, полицейских и чиновников. Затем они основали бы множество демократических республик в стране, ибо в своем невежестве крестьяне не понимают, как может управляться вся Россия в целом. Крестьяне не видят, что бюрократия, которую они ненавидят, и царь, которого они любят, - это две ерзрывные части одной системы и уничтожить одну, оставив другую, то же самое, что отрезать руки и ноги, оставив голову и туловище.

Обманчивые представления русского крестьянства вызваны простым невежеством, и с распространением знаний среди народа эти представления уступят место более правильному мировоззрению. Однако не всегда было так. Обманчивые представления не могут жить в сознании народа в продолжение пяти столетий и не могут порождаться только воображением. Причины возникновения и сохранения самодержавия надо искать в истории России и в социальных условиях, исторически оправдывавших его существование. Ибо было время, когда самодержавие соответствовало национальным идеалам народа и являлось средоточием его устремлений.

Глава V

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕСПОТИЗМА

Каким образом ультрадемократический строй, преобладавший на Руси в течение XI и XII веков, превратился в течение трехсот или четырехсот лет в деспотизм, о котором без преувеличения можно сказать, что равного ему свет не видал?

Чтобы подробно ответить на этот вопрос, пришлось бы изложить всю историю развития московской монархии. Но столь сложная задача выходит за рамки моих очерков. Я должен ограничиться кратким изложением событий и хочу лишь показать, что роковой результат не является случайным или маловажным, а мое описание древних вольностей на Руси ни в коей мере не приукрашено. Организация центральной власти в древнейшем и наиболее развитом из наших городов - Великом Новгороде - отличалась, как мы видели, исключительной самобытностью и простотой. Не только его орган управления - вече, но и все государство можно уподобить тем растениям, которые независимо от величины состоят из одной только клетки. Земли Новгорода намного превосходили владения "Королевы Адриатики". Они непрерывно расширялись, и метрополия обрастала колониями, частью завоеванными оружием, частью приобретенными в силу договоров с коренным населением. Некоторые из этих колоний, становясь все более богатыми и многонаселенными, в свою очередь превратились в могущественные общины. Поэтому настоятельнейшим требованием времени было установление полного согласия - *modus vivendi** - между ними и метрополией и

обеспечение таким путем целостности государства. Но что же предприняла Древняя Русь, чтобы исполнить это веление времени? Решительно ничего. Колонии рассматривались как неотъемлемые части метрополии, их жители вольны были по своему желанию прибывать в столицу и участвовать в вечевом собрании. Когда предстояло обсудить важные дела, их вовремя извещали и приглашали присутствовать. Но если представители пригородов не приезжали, вече все же выносило свои решения, с жителями пригородов считались не больше, чем с горожанами, не явившимися на вече.

* определение взаимных отношений (лат.).

В сущности, на колонию смотрели как на часть города. Недаром ее называли "пригородом", что означает административный район города, хотя до этих пригородов иногда был месяц езды. Правда, каждый пригород имел собственное вече, управлявшее местными делами. Но общее законодательство государства было исключительным правом столичного веча, и ему, как верховной власти, жители пригородов обязаны были подчиняться. Только большое вече могло также выносить решение о войне и мире. "Как старшие положат, на том и пригороды станут" - говорит древний летописец. Пригороды подчинялись, пока они были молодыми и только еще набирали силу. Но как только они чувствовали себя достаточно окрепшими и становились на ноги, то прогоняли посадника, назначенного столичным вечем, выбирали на его место князя с хорошей дружиной и объявляли себя независимыми. Иногда отделение пригородов происходило мирным путем. Но обычно между ними и столицей возникала борьба, и, если мятежному пригороду удавалось отстоять свои права силой, его независимость была окончательно признана. С положения пригорода он сразу поднимался до положения "младшего брата", и обе земли вступали в союз и клялись друг другу в вечной дружбе, что, разумеется, нимало не мешало им поссориться при первом же удобном случае.

Никто не думал извлечь урок из этих частых отделений, и, когда с течением времени отколовшиеся пригороды сами основывали новые пригороды, процесс разъединения неуклонно продолжался. Так внутреннее развитие в средневековой Руси протекало как бы в соответствии с законами природы: создавалось все большее количество небольших независимых земель, которые по существу были республиками, но по форме княжествами. В немалой степени этому способствовало также

увеличение числа княжеских родов. Всегда были под рукой честолюбивые княжичи, жаждущие власти и высокого положения, готовые подстрекать пригород к отделению и раздувать в нем мятеж. Нечто подобное, хотя и вызванное совершенно другими причинами, происходило и в некоторых других странах Европы. Результат был тот же - становление самодержавия. Как и феодальные бароны, русские феодальные князья непрестанно воевали друг с другом. Подчас горожане приходили им на помощь. Но если последние не проявляли интереса к этим распрям или даже были настроены враждебно, князьям оставалось верить свою судьбу дружине и наемным отрядам кочевников, которых они принимали к себе на службу.

В конце концов страна, опустошенная вечными раздорами, потребовала мира любой ценой. Самым простым и легким - а при данных обстоятельствах и единственным - путем к достижению этой цели было заменить множество князьков одним - единственным князем. Ибо только в результате длительного опыта, развития духовных и материальных сил народа общество осваивает сложный и дорогостоящий механизм представительных учреждений - единственный изобретенный доселе способ совместить единство и независимость страны с государственной безопасностью и личной свободой.

Древняя Русь, не знавшая даже азов этого трудного урока, была вынуждена, как и другие народы, подвергнуться испытаниям тяжелого ученичества в школе деспотического правления. Тем более что политические и социальные условия делали установление самодержавной власти на Руси и более легким, и более настоятельно необходимым, чем где-либо. Более необходимым, ибо тогдашней Руси приходилось не только справляться с внутренними неурядицами, но и защищаться от непрестанных нашествий. Эти набеги, тревожные и опасные в начальный период русской истории, в X и XI веках, стали в XII веке страшными и едва не роковыми, когда на смену невоинственным кочевникам пришли свирепые татары. И только после окончания этой борьбы, длившейся пятьсот лет, страна была полностью освобождена от татарского ига и татарских нашествий.

С другой стороны, социальные условия на Руси создавали меньше препятствий к объединению под властью одного монарха, чем в большинстве других стран. Обычно процесс объединения происходил в результате завоеваний и постепенного присоединения соседних земель. Такое развитие, зависящее от

случайностей войны, было медленным и трудным. Маленькие свободные государства обычно защищались яростно и долго. Могущественная местная знать, боясь унизиться до положения провинциального дворянства, связывала свою судьбу с князьями, а народ вопреки собственным интересам часто действовал сообща со своими правителями против тех, кого ошибочно называл чужеземными врагами. Замкнутость и обособленность их жизни, являвшиеся источником мелких неурядиц, в сочетании с тогдашним невежеством в свою очередь порождали и ненависть, и подозрительность. В Центральной Европе монархиям только с помощью трудового люда городов удавалось побороть враждебные влияния и завершить процесс объединения путем укрепления своих королевств.

На Руси процесс объединения пошел в другом направлении. Если там не было класса городских тружеников, то, с другой стороны, было меньше преград для образования монархии. Земледельческое население лишь частично было оседлое. Великие пространства неосвоенных земель были необъятны, хлебопашество настолько отсталое, что население кочевало с места на место. Спалив лес, оно самым примитивным способом выращивало нужные ему хлебные злаки. Когда земля истощалась или люди просто хотели переменить место, они отправлялись дальше, и этот процесс повторялся до бесконечности. Крестьяне всегда готовы были обмениваться полями с соседями или даже перебраться в другую волость. Они скитались по обширным русским равнинам в поисках более плодородной почвы и менее тягостной жизни. Целые деревни исчезали из одного места, чтобы появиться потом в другом. Главное направление огромного человеческого потока, естественно, определяли в те времена политические условия. После татарского нашествия этот поток хлынул главным образом на северо-запад, где княжества Владимирское, Тверское и Московское образовали единое государство, создав устойчивую форму правления. Но между землями помимо главного потока были и менее сильные течения. Непрестанное движение взад и вперед, отлив и прилив масс народа, сплачивая население в единое однородное целое, значительно облегчили объединение страны. Крестьяне Твери, Казани и Вятки с течением времени уже ничем не отличались от крестьян Нижнего Новгорода. В такой стране, как Русь, не было благодатной почвы для возникновения пристрастий и крепких местных уз, всегда характерных для населения, долго прожившего на своей земле и вкоренившегося в нее. Что

касается служилого класса или военного сословия, то они еще больше бродили по чужим землям и их местные узы были еще слабее, чем у крестьян, ибо средневековые дружинники, хоть им и жаловали землю "в кормление", были привязаны к особе князя, а не к земле. Все же они шли к нему по своей воле, были вольными стрелками и имели такое же право менять своего князя, как мастерской хозяина, право, которым они зачастую пользовались, не колеблясь покинуть воеводу, если его звезда закатилась, для другого, которому улыбнулась фортуна.

В этих условиях присоединение чужих владений обычно означало не больше как захват земли, которая ввиду поражения ее военных защитников и переселения значительной части обитателей в более могущественное княжество не могла оказывать сопротивления победителю. Да и часто случалось так, что князь, если его независимость была под угрозой, решал не искушать судьбу и избежать последствий поражения на ратном поле, перейдя к Москве. Он добровольно отдавал свои владения прежнему сопернику, обеспечив себе в награду за повиновение и покорность богатства, почести и звание боярина. При московском дворе насчитывались десятки боярских семей из князей, происходивших из некогда независимых владетельных родов.

Так что на Руси объединение государства, как я уже заметил, достигалось иным путем, чем в большинстве других европейских стран. "Собирание земли русской" одновременно напоминает и сплочение кочевых племен вокруг знамени храброго, удачливого военного вождя, и процесс, свойственный странам с полностью оседлым населением. Это объясняет ту чрезвычайную легкость, с какой было завершено объединение Московского государства, и неизбежность возникновения деспотизма, пришедшего по его следам.

Политические условия на Руси и ожесточенная борьба не на жизнь, а на смерть с чуждыми, враждебными племенами и враждебной религией, борьба, продолжавшаяся четыре столетия, превратили главу государства в постоянного военного диктатора, столь преданно поддерживаемого народом, что противиться ему считалось преступлением. Вместе с тем социальные условия в стране придавали деспотизму такую страшную реакционную силу, что еще долго после того, как его могущество стало падать и причины, побудившие его к жизни, стали исчезать, цари удерживали всю свою самодержавную власть и продолжали наступление на права подданных.

Образно говоря, Московское государство было армией, огромной дружиной, превратившейся в военную касту и рассеянной по всем обширным землям империи. Разделенное огромными пространствами, военное сословие в свою очередь было разобщено из-за соперничества между отдельными кланами и внутри кланов между его членами. Это сословие не имело ничего общего с феодальными аристократиями в других странах, с иерархией знати и ее вассалами. Оно отнюдь не походило на класс польских магнатов, имевших на службе тысячи бедных воинственных рыцарей, связанных со своим сувереном общностью происхождения и интересов. Русь была слишком бедна, чтобы бояре могли жить в разорительной роскоши, и слишком обширна, чтобы низшая знать, дворяне, могла стекаться ко двору богатых potentatov. Кроме того, царь всегда мог вознаградить их за службу, жалую земельные угодья, и подогревать их верность надеждами на высокие чины. Неисчислимые людские силы государства были, таким образом, громадным полчищем, зависящим - каждый в отдельности и все вместе - непосредственно от царя и существующим только его милостями, причем низшие чины всегда были готовы по первому знаку государя сокрушить малейшую видимость сопротивления со стороны своих начальников.

И все это происходило в стране, где два с половиной столетия рабства уничтожили в высших классах общества всякое чувство чести и достоинства, а в низших - даже воспоминание о древних вольностях, приучая их в смиренной покорности преклоняться перед грубой силой. А ведь в былые времена непокорный и вспыльчивый россиянин всегда готов был грудью встать против любой несправедливости. Правда, те же естественные условия, которые препятствовали возникновению постоянных социальных уз, мешали центральному правительству установить свое неограниченное господство над всем пространством своих необъятных владений. Большая часть народной массы, даже большая часть военного сословия лишь от случая к случаю испытывала на себе власть царя. Тем страшнее было положение тех, кто находились в пределах его досягаемости, ибо самодержавие развилось в деспотизм, отличавшийся не столько могуществом власти, сколько безграничностью самовластия. Какое сопротивление могло оказывать царю жалкое высшее сословие, боярство, - люди, не находившие силы в самих себе и не пользовавшиеся поддержкой в стране, льстецы и низкопоклонники, стекавшиеся со всех концов русской земли

в погоне за добром и почестями и не имевшие ничего общего между собой, кроме жажды снискать благорасположение царя и страха быть оттесненными более сильными и удачливыми соперниками? Раболепство и лесть, готовность пойти на любое унижение и бесчестье были единственными качествами, позволявшими добиться царских милостей, а часто единственным средством спасти свою голову. В отличие от подобных же сословий в других странах русское дворянство вместо обуздывания деспотизма и противодействия его власти становится его жертвой, его орудием либо его защитником. Москва превращается в своеобразный гигантский перегонный куб, где под давлением железного кольца путем взаимодействия отдельных компонентов - *motu proprio** - вырабатываются деспотизм и угодничество.

* по собственному побуждению (лат.).

Сделав шаг вперед и увидев всех поверженными к своим ногам, деспотизм делает дальнейший шаг. Повадки, приобретенные отцами, вошли в плоть и кровь у сыновей, и они, в свою очередь, с новой силой передали их своим наследникам. Единственным пределом, полагаемым этому развитию, были вкусы и склонности самих деспотов. Но последние, будучи такими же варварами, как и само то варварское время, и имея перед собой пример своих еще более свирепых татарских предшественников, уничтожали все человеческие права, не считаясь с личным достоинством, честью и прочими качествами, отличающими людей от зверей, пока не была достигнута та чудовищная черта, за которой правление царей стало позором для человечества.

Глава VI

ВЛАСТЬ ЦЕРКВИ

Однако мы будем далеки от понимания характера московского деспотизма, его могущества и прочности, если вдобавок к внешнему и материальному воздействию не будем учитывать более глубокую моральную силу, которая придает правительствам столь твердую власть над человеческими сердцами, - поддержку религии.

С самого начала политической жизни на Руси русское духовенство имело огромное влияние, так как именно с помощью церковников и проповедуемого ими христианства языческому народу прививались зачатки культуры. Священники и монахи были учителями и советниками как князей, так и подданных. Вместе с тем в XI и XII столетиях на Руси стала внедряться греко-славянская культура и наряду с церковными школами миряне, предававшиеся ученым занятиям, основывали в главных городах страны и светские школы, даже для девушек, в которых молодежь усердно приобретала научные знания.

Но последующие татарские набеги полностью уничтожили эти первые ростки светского обучения, и, по свидетельству наших историков, в XVI веке Русь была значительно менее культурной, более варварской, чем в XII веке. Даже среди высшей знати искусство чтения и письма стало редким достижением, и в боярской думе при Иване IV многие князья из старых родов не умели подписывать свое имя.

Татары, как и большинство племен-завоевателей, уважали религию побежденных. Одним из первых указов ханов неизменно подтверждалась неприкосновенность церквей, монастырей и священников. С тех пор обучение грамоте стало ограничиваться ризницей и монастырскими стенами, и вплоть до XVII века грамоту знало исключительно только духовенство.

Уж одного этого преимущества было достаточно, чтобы придать церковникам необычайный авторитет, и их могущество еще более возросло благодаря социальному и политическому положению церкви. К церкви обращались люди за утешением, когда навлекали на себя гнев всевышнего. Только церковь ободряла их в час поражения и вдохновляла обещанием победы в священной войне против поработителей. Двумя страстями был одержим русский народ: религиозным фанатизмом и патриотическим пылом, и церковь была одновременно и воплощением, и выразителем этих страстей. Монахи поднимали слишком трусливых князей на борьбу против татарских захватчиков, а жития святых и бесстрашных отшельников, которые сами брали меч в руки, чтобы поразить врагов Христовых, еще и поныне живы в народных былинах и песнях. Духовенство вставало во главе всякого народного движения, и, когда московское оружие одерживало победу, наибольшие ее плоды доставались церкви.

И эти всемогущие церковники, опутав своими тенетами бесхитростную, доверчивую душу народа, стали верными прислужниками самодержца и ревностными приверженцами деспотии.

Православие с самого начала было, по существу, национальной религией; оно отличалось в этом от религий других европейских стран, где церковь была международным институтом - глава ее называл себя "царем царей", а народы, принадлежавшие к ней, независимо от расы все были одной веры и искали друг у друга участия и помощи. По этой причине Россия меньше, чем другие страны, пострадала от насильственного духовного воздействия священнослужителей и их злоупотреблений. С другой стороны, русская церковь была всецело подчинена деспотической власти и превращена в позорное орудие тирании и гнета. Богословам угодно говорить, что царь не является главой русской церкви и она не признает другой главы, кроме Иисуса Христа. Пусть так. Но сделать из этой абстрактной теории практические выводы - значит не учесть самого главного. Действительно, в деспотической стране, где духовенство душой и телом находится в полной власти государя, обладающего правом возводить в сан и лишать сана, изгонять святых отцов из страны или по малейшему капризу подвергать их пыткам и предавать смерти, как московские цари часто и делали, в такой стране мнимая независимость церкви - заблуждение и обман. Иван IV это в достаточной степени доказал. Этот милейший монарх, не удовлетворяясь тем, что удушил митрополита русской церкви и заперол до смерти сотни священников в Новгороде, заставил Вселенские соборы утвердить действия и догматы, осужденные канонами и апостолами как мерзости.

Но царям редко приходилось силой принуждать церковников к повиновению. Надо было лишь выбрать самых рьяных из толпы епископов, которые всегда рады были служить. Образование русского духовенства зиждилось исключительно на литературе и истории византийского деспотизма, и потому оно не имело и не могло иметь других политических идеалов, кроме идеала неограниченной монархии. И когда Иван III взял в жены Софью Палеолог, последнего отпрыска греческой императорской династии, русские церковники объявили своего царя наследником святейших восточных императоров, всей их славы и могущества. С тех пор они узрели в безудержном культе абсолютизма свою историческую миссию, миссию, которую они кстати и некстати преданно выполняют среди всех слоев населения.

Религиозная пропаганда имеет самое надежное, стойкое и сильное влияние, и она придает московскому самодержавию его священный характер и огромную власть. Высшей санкцией церкви было одобрено, облагорожено и возвышено положение, которое возникло вследствие жестокой необходимости злосчастной политической жизни и было усугублено социальными условиями, привлечшими на сторону деспотизма все низменные инстинкты - честолюбие, алчность и страх. Повиновение царю было объявлено первым долгом и высшей добродетелью православного. Царь сам почти поверил, что он воплощение бога на земле. Известный путешественник Герберштейн, приехав в Москву, был чрезвычайно удивлен тем, что державной власти безоговорочно придается священный характер. Если вы о чем-то спросите у москвитянина и он не знает ответа, писал Герберштейн, то почти наверняка скажет: "Это известно только господу и царю-батюшке!" А царь, если бы его о чем-либо попросили, например о помиловании узника, несомненно, ответил бы: "Мы освободим его, если такова будет воля божья". Как будто он в самом добром согласии с господом богом и их отношения носят самый интимный и доверительный характер!

Божья воля, разумеется, означает волю его, царя. Если послушать русских попов, небесный государь некоторым образом действует, как послушный дух земного государя, готовый незамедлительно наказать за всякое открытое или тайное ослушание своего наместника на земле и вознаградить вечным блаженством тех, кто терпеливо и смиренно переносили незаслуженную, несправедливую кару, которой царь по человеческому свойству ошибаться или по наговору своих слуг может подвергнуть своих подданных. В этих словах церковников не слышится никакой иронии, - это чистая правда. В письме, написанном Иваном IV, вдохновителем этой доктрины, князю Курбскому, он обвиняет его в совершении тягчайшего преступления: Курбский посмел вырваться из когтей своего христианнейшего государя. Царь пишет: "Аще праведен и благочестив еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинные смерти, еще несть смерть, но приобретение?"

Хуже всего было то, что столь чудовищных идей придерживался не только сам тиран, но их разделял и народ. И хотя этот бешеный зверь, Иван Грозный, превратил свое царствование в подлинную оргию жестокости, убийств и похоти; хотя он был столь же труслив, как и низок, и, подозревая повсюду заговоры против своей особы, засекал до смерти тысячи своих подданных и подвергал их

таким пыткам, что даже при чтении о них кровь стынет в жилах; хотя похотливый тиран насиловал жен и дочерей бояр, умерщвляя всех, кто смел высказывать малейшее недовольство; и хотя его мерзости продолжались ни мало ни много сорок лет без перерыва, - за все время его чудовищного царствования ни разу не раздался голос протеста, ни одна рука не поднялась для сопротивления или мести за позорные надругательства. Жертвам Ивана IV иногда удавалось спастись бегством, но историки не обнаружили ни малейшего следа какого-нибудь заговора против него. И все же эти люди не были трусы. В большей части храбрые воины, славные своими подвигами на поле брани, они часто проявляли в камере пыток и на лобном месте необычайные стойкость и мужество, редкую силу духа. Но вследствие привитых им воспитанием превратных воззрений сила духа служила лишь тому, чтобы превозмочь естественный порыв к мятежу и подавить возмущение, ибо униженная покорность царю была священным идеалом, незыблемым для них с ранней юности. Князь Репнин был посажен на кол, и, умирая медленной смертью в жестоких мучениях, несчастный славил царя, своего государя и убийцу!

Таковы услуги, оказанные русскому народу православной церковью. Во все время существования русского государства церковь преданно исполняла возложенную на нее унижительную обязанность. И разве удивительно, что, как только началось пробуждение политического сознания в просвещенных кругах русского общества, их первыми словами были слова проклятия против религии. И теперь, когда первые проблески культуры достигают широких слоев народа, разве не справедливо то, что они тысячами отказываются от веры своих отцов и дедов!

Глава VII

РУССКАЯ ТЕОКРАТИЯ

Московия превратилась в подлинную теократию. Правда, царь не отправлял церковную службу, но он объединял в своем лице все свойства абсолютного монарха и главы государства, столь же безответственного, как татарский хан, и столь же непогрешимого, как римский папа. Только всеильная власть духовенства могла привести к удивительному превращению главарей *ci-devant condottieri**, какими некогда были предки

императорской фамилии, в земных государей с небесными атрибутами.

* прежних кондотьеров (фр. и ит.).

Правление последних царей династии Рюриковичей было эпохой пылкой юности самодержавия, которое только что родилось из неистовства и разгула страстей, сопутствовавших образованию государства. В последующую эру – эру дома Романовых – самодержавие, теперь уже вполне созревшее, достигло последней ступени своего развития. Самонадеянный и уверенный в будущем, деспотизм отбросил грубость и жестокость, характеризовавшие первый период его существования. Он перестал бояться и подозревать и стал столь же неизменным, абсолютным и неизбежным, как закон природы.

Но теократия означает косность и застой. Русский народ, надо помнить, перенял христианство греческой образности – православие, в то время как другие европейские народы собирались вокруг римского знамени. По народным представлениям и главным образом по понятиям церковников, никогда и нигде не отличавшихся терпимостью, это означало, что русские – единственный народ, исповедующий истинную веру Христову. Он был уверен в своем неизмеримом превосходстве над всеми без исключения соседними народами – раскольниками, еретиками и неверующими. А когда с течением времени Россия стала могучей, блестящей державой, не только освободившись от ярма неверных, но уже грозно выступая против своих прежних угнетателей и покоряя одно за другим татарские племена, патриотическая гордость еще увеличила религиозный восторг. Русский народ был несомненным избранником божьим, и, испытав его в геенне огненной рабства, господь теперь поднял его выше всех народов. Чтобы сохранить милость господя и заслужить его благословение, что еще могли сделать русские люди, как не следовать примеру своих предков и хранить как зеницу ока святую веру, принесшую им столько благ и сделавшую их избранным народом? Сильнее фанатизма духовенства было только его невежество; оно не удовлетворялось одним отправлением церковной службы и исполнением своих прямых обязанностей. Как запах прогорклого масла, попы проникали всюду, пачкали все, к чему прикасались, умерщвляли все живое, что притворно благословляли. Было объявлено смертным грехом отменять или изменять какой-нибудь обычай или уклад жизни,

унаследованный от прошлого. Самый ничтожный пустяк не ускользал от внимания церкви, она пыталась подчинить своему надзору все обыкновения и привычки людей. Покрой одежды, стрижка волос, приготовление пищи - всякие мелочи жизни с важным видом обсуждались преподобными отцами и канонизировались Вселенскими соборами. Эти Вселенские соборы, в которых участвовал цвет русского духовенства под председательством митрополита, оставили потомству документ, содержащий сотню глав, - нерушимый памятник человеческому безумию и собственной глупости. Священникам и пастве, облаченным с головы до ног в столь надежные доспехи, разумеется, нечего было учиться у еретических "немцев" (немых), как называли всех без различия иностранцев. Они могли бы только осквернить национальную чистоту русских людей.

Так клерикальный фанатизм воздвигал барьер между Россией и остальной частью христианской Европы, который труднее было преодолеть, чем Великую китайскую стену. Католики и протестанты считались не многим лучше, чем язычники и магометане. Связь с ними была грехом. Когда эти неверующие приезжали в Москву по делам, им приходилось жить в особых кварталах, как евреям в средневековых городах. Встречи иностранцев с местным населением допускались лишь в случае крайней необходимости, и они не могли продлевать свое пребывание в стране сверх предписанного заранее ограниченного срока. Послы чужеземных правительств, прибывавшие время от времени с дипломатическими поручениями, находились под постоянным надзором. Доступ к ним непричастных лиц преграждался стражей, день и ночь караулившей их дома. Когда послы шли по улице, люди шарахались от них, как от чумных, и разбегались во все стороны, подчиняясь, конечно, приказу. А сановники и те, кто посещали "чужеземных дьяволов" в качестве официальных лиц, подвергали себя серьезнейшему риску быть обвиненными в страшных грехах ереси и колдовства. Поистине Московия впадала в состояние китайской оцепенелости. Чем больше она предавалась самовосхищению, чем больше старалась оберегаться от связей с Западом, тем глубже погружалась в варварство. Все путешественники, посещавшие Россию в XVII веке, были поражены низким уровнем ее культуры и отсталостью цивилизации. В пору, когда Западная Европа была покрыта университетами, а печатные станки можно было найти в любом городе, в Московском государстве единственным способом

размножения книг была переписка гусиным пером. В 1563 году первая книгопечатня, созданная в стране, была разгромлена по приказу духовенства как порождение дьявола, а первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец избежали суда по обвинению в колдовстве только потому, что спаслись бегством. Арабские цифры, известные в Европе в XII веке, в России ввели только в XVII веке.

Все отрасли производства были столь же отсталыми. Через два столетия после того, как повсеместно вошел в употребление порох, царские солдаты все еще воевали с луком и стрелами, даже тогда, когда территория страны настолько расширилась, что армия, стоявшая на страже ее границ, и расходы на ее содержание за сто лет увеличились втрое, ибо войны, происходившие на большом расстоянии от столицы, были сопряжены с гораздо большими трудностями и с огромными издержками. Вплоть до начала XVII столетия Россия продвигала свои границы на восток. Теперь она начала наступать в противоположном направлении, войдя в соприкосновение с цивилизованными и сильными державами Запада, против которых ее войска и военное снаряжение, победоносные в борьбе против азиатских кочевых племен, были мало пригодны.

Чтобы удовлетворить новые требования, естественные ресурсы страны были недостаточны, и на народ налагались непосильные тяготы. В правление царя Алексея Михайловича, в пору самых блистательных завоеваний, страна в то же время и по той же причине стала ареной беспримерного по своей жестокости социального и экономического кризиса.

Никогда еще народ не был так тяжело обременен податями. Массы горожан и крестьян, будучи не в силах нести это ярмо, оставляли свои дома и поля и убегали куда глаза глядят. Это делало участь тех, кто оставался, еще безнадежнее. Им приходилось платить подати не только за себя, но и за беглецов соседей. Множество несчастных умерло под палками податных, сотни деревень были заброшены, а жители рассеяны по всей стране. Правительство пыталось бороться с побегами при помощи свирепых указов против бродяжничества. Но единственным результатом этих мер было увеличение числа "бродяг" и превращение их в разбойников. Беглецы прятались в лесах и глухих местностях, целыми толпами переходили границы, находя убежище у воинственных казаков на Днепре и Дону. Непокорные поселенцы, занимавшие степи, когда-то принадлежавшие татарам, получив теперь новые подкрепления, отказались от своей пассивной роли беглецов и взялись за

оружие, чтобы отомстить тем, кто их изгнал. Неистовый казачий атаман и народный герой Стенька Разин возглавил грозное восстание, поднял против царского правительства всю юго-западную часть страны; он захватил ряд городов, предал мечу всех богатых и знатных, попавших ему в руки, и потряс Московское государство до основания. Но в самый критический момент, когда, казалось, решалась судьба России, казачье войско было разбито наголову солдатами, вооруженными современным оружием и обученными немецкими офицерами.

Народные волнения, вызванные невыносимым бременем податей и бесчеловечностью, с какой их взимали, происходили также в Новгороде, Пскове и других городах. Даже в столице народ восстал, и царю удалось умиротворить его только тем, что он пожертвовал несколькими любимцами, предав казни самых верных своих советников, которых простой народ, как обычно, считал виновниками всех бед.

Было очевидно, что положение в стране достигло большего напряжения, чем она в состоянии вынести. Чтобы удовлетворить новые потребности государства и справиться со все возрастающими трудностями, необходимо было влить новую жизнь в государственный организм. Эту цель можно было осуществить лишь одним способом: перейти на путь европейской цивилизации и с помощью науки и промыслов увеличивать производительность труда и развивать природные силы страны. Необходимость в этом была столь явной и безотлагательной, что даже жестокий и суеверный обскурантизм московского правительства не мог более противиться прогрессу. В арствоваание Алексея Михайловича европейская цивилизация приобрела первую опору в стране. В Москву стали приглашать иностранцев, в столице обосновалась целая колония иноземных ремесленников, и часть армии была вымуштрована немецкими офицерами и снаряжена немецким оружием. Это было только начало. Теперь уже нельзя было больше преграждать доступ цивилизации. С другой стороны, в стране, где малейшее изменение в покрое платья рассматривалось как необычайное новшество, прогресс мог быть лишь несмелым и очень замедленным, а история не ждет.

Россия так сильно отстала от других стран, что, если бы она еще на несколько поколений погрязла в своей суеверной косности, ей никогда уже не удалось бы восстановить утраченные позиции. У ее границ быстро усиливались германские государства. Пруссия

прочно обосновалась бы на Балтийском море и - кто знает, на какой срок! - преградила бы России единственный путь к международной торговле и европейской культуре. Опасность можно было предотвратить только быстрыми, действенными мерами и не обычными методами реформ, а решительным путем революции. Это было сделано Петром Первым, которого справедливо прозвали Великим, и никогда еще революция не совершалась более своевременно.

Глава VIII

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР

Жизненный путь Петра Великого хорошо известен, и нет надобности рассказывать о его деятельности. Преобразования Петра, надо заметить, были, в основном, политическими. Нет ничего нелепее, чем представлять себе этого царя, с беспощадностью проводившего свои реформы, как человека возвышенных чувств, восхищавшегося чудесами цивилизации и пылавшего желанием распространить ее в своей империи для духовного совершенствования своих подданных. Чтобы быть в силах исполнить свои новые предназначения, Россия прежде всего должна была превратиться в могущественную державу, и на достижение этой цели Петр направил все свои усилия. Наука, культура и искусство ценились им единственно ради их практической пользы и лишь постольку, поскольку они способствовали его политическим предначертаниям.

Главной целью Петра была организация мощных военных сил, хорошо вооруженных, дисциплинированных и снабженных современным снаряжением и военными материалами исключительно отечественного производства. Петр покровительствовал тем наукам и основывал те школы, которые обещали готовить ему хороших офицеров, инженеров и администраторов. Он особенно благоприятствовал отраслям промышленности, удовлетворявшим потребности его армии и флота и больше всего способствовавшим увеличению доходов казны. Такой, по существу материальный, характер новая культура сохранила в течение более ста лет, когда она пользовалась неизменным поощрением и поддержкой правительства. Только приблизительно к середине XVIII века

немецкие философские идеи стали в какой-то степени вытеснять французское влияние и возникла более либеральная и гуманитарная концепция культуры - перемена, на которую правительство смотрело отнюдь не с удовольствием.

Но для того, чтобы насильственным путем вводить новую цивилизацию, даже и в исключительно материальной форме, необходимо было войти в тесные сношения с иноземцами, решительно порвать с прошлым и уничтожить старые обычаи и предрассудки. Народ в своем отвращении к реформам находил поддержку в религии - сильнейшей моральной силе, которой он обладал. В этих условиях полумеры были бесполезны. Необходимо было объявить открытую войну не только против суеверий, но и против духовенства, которое разжигало и направляло их. Петр так и сделал. И хотя со стороны теократического царя это была дерзновенная и смелая политика, но он полностью достиг своей цели. Старая церковная организация была сломлена, и высшие духовные лица, противившиеся петровскому перевороту, были замещены менее упрямыми служителями культа, одолженными у православной церкви Украины. Но победа Петра, хотя и полная, была завоевана не без потерь. Царь, применивший к церкви насилие, царь, окруженный еретиками, одетый в немецкое платье, который мало того что сам остриг бороду, но и заставил так поступить своих придворных, - такой царь не мог, конечно, внушить своим подданным того восхищения, какое они с готовностью выражали его предшественникам. Петра даже объявили антихристом. И, что чрезвычайно характерно для социального и политического положения тогдашней России, в то время как чудовищные жестокости Ивана Грозного не вызывали даже видимости сопротивления, преобразования Петра приводили к взрывам открытого мятежа, поощряемого духовенством и разжигаемого фанатическими противниками царя; некоторые даже покушались на его жизнь. С другой стороны, не подлежит ни малейшему сомнению, что ни Петр, ни кто-либо из его преемников уже не мог бы безнаказанно совершать те мерзости, которые навлекли позор на правление прежних московских царей. Павел I был умерщвлен собственными придворными за преступления куда менее ужасные, чем те, что совершались в Московском государстве. И для нас теперь совершенно очевидно, что превращение царства в империю ограничило царский произвол. Царь, все еще могущественный, уже не обладал божественными атрибутами.

Однако благодаря секуляризации государства - да будет мне дозволено употребить этот термин - самодержец, потеряв некоторые державные prerogatives и будучи вынужден несколько сдерживать свои личные капризы, еще в сто раз усилил свою подлинную власть. Московские цари подобно восточным деспотам могли угнетать и изводить людей сколько их душе угодно; но в отношении всяких новых установлений, имея лишь ограниченное влияние в государственных делах, они были почти бессильны. Поразительное явление: когда люди ставят над собой государя, которому приписывают деспотическую власть и чуть ли не божественные свойства, им удается, сковывая его инициативу невидимыми цепями, почти свести на нет его власть самой неумеренностью своего поклонения. В древней Японии придворные сумели убедить микадо, что, если он сделает хоть одно движение, мир распадется на куски. И вот бедняга, чтобы предотвратить такое страшное бедствие, часами просиживал на троне не шевелясь, не моргнув глазом и не произнося ни звука. И хотя перед ним преклонялись как перед полубогом, он был в действительности более бессилен и безвреден, чем последний из его слуг. Если бы ловкие японцы могли уговорить микадо продлить свое состояние покоя на пятнадцать часов, мы имели бы удивительно оригинальный пример противоречивости выражения "бессильный деспотизм". Однако им не удалось полностью достигнуть своей цели. Микадо преодолевал затруднение таким образом, что, сходя с престола, оставлял на нем свою корону.

Все же за японцами должна быть признана пальма первенства: нигде больше не придумали ничего столь простого и действенного. Но нечто похожее можно найти во всех деспотиях. С помощью так называемого этикета, представляющего собой не что иное, как способ сдерживать активность монарха, заставляли его тратить столько времени и энергии на пустые и бессмысленные церемонии, что он физически уже не был в состоянии серьезно заниматься государственными делами и власть в стране - нравилось ли это ему ли нет - в значительной мере переходила в бесконтрольные руки министров и придворных. Такова была картина при старом французском дворе - ее блестяще описал Тэн - и, вероятно, в еще большей степени при московском дворе. Единственная разница заключалась в том, что бурбонским королям приходилось отдавать большую часть своего времени самому церемониалу - приемам, levee, публичным трапезам и так далее, в то время как московские цари были главным образом обременены

исполнением религиозных обрядов, обеднями, посещениями монастырей и осмотром священных реликвий. Затем следовали обычные ритуалы, ибо в теократическом государстве все священно, за исключением жизни и свободы граждан. Если бы ему вздумалось, царь мог сжечь город дотла и предать мечу жителей целой области. Но он не мог, не возбудив всеобщего негодования, пренебрегать старинными обычаями или нарушать неписанные законы своего двора. Царь мог безнаказанно отрубить голову дворянину или засечь боярина, но он не мог, не вызывая глубокого и длительного недовольства, назначить на высокий пост человека низкого происхождения. Даже такой тиран, как Иван IV, не позволил себе присвоить своему любимцу и наперснику детских лет Адашеву низший дворянский титул, так как его отец был скромного звания. А царь Алексей Михайлович лишь под конец своего царствования осмелился поднять своего тестя и друга Артамона Матвеева, простого сельского дворянина, в звание боярина.

Чтобы примирить права, данные происхождением, с требованиями государственной службы, была создана двойная администрация: знатные думные бояре возглавляли приказы, но их обязанности были строго ограничены военными делами; у каждого из них был свой думный дьяк, человек незнатный, но с большими способностями. Эти люди и управляли отдельными приказами и коллегиями. То было печальной памяти время дьяков и подьячих; они и осуществляли исполнительную власть в стране. Но зависть и интриги, неизбежно возникавшие между думными боярами и приказными, значительно ослабляли действенность администрации, ибо бояре из трутней превратились в тормоз и обузу к большому ущербу для управления страной и во вред народу. Если секуляризация государства несколько уронила престиж его главы как теократического монарха, то, с другой стороны, освободила его от давящих оков религиозной и придворной рутин. Царь стал хозяином своего времени и мог всецело отдаваться государственным делам. Он стал также полным хозяином в стране и получил возможность назначать на правительственные должности тех, кого считал подходящими. Его политическая власть вследствие этого значительно усилилась, и он теперь действительно мог взять бразды правления в свои руки. Великий преобразователь и не желал ничего другого. Отметая все устарелые иерархические притязания, Петр несколько не стеснялся обходить знать и назначать на высшие посты безвестных плебеев, если обнаруживал у них недюжинные

способности. Государственное управление было организовано по немецкому образцу, с разветвленной системой учреждений, зависящих только от главы государства, которому принадлежала вся полнота неограниченной и верховной власти. Петр мертвой хваткой держал всю страну - народ, дворянство, духовенство - и делал все, что хотел. Его единственной мыслью было превратить Россию в могучее государство. На эту цель он и направил свое рвение, заставив все классы общества добиваться ее достижения.

Московское государство не имело постоянной армии. Крепости охранялись стрельцами, которые по окончании срока службы расходились по домам. Войска состояли главным образом из дворян, и им за службу жаловали в пожизненную собственность земельные угодья, а иногда, правда редко, наследственные поместья. После окончания войны они жили в своих деревнях. Но для того, чтобы поставить Россию в равное положение с соседними странами и получить возможность выполнить свои планы, Петру нужны были постоянные военные силы. Эту задачу он осуществил столь же простым, как и действенным способом. Одним росчерком пера он преобразил свое ополчение, состоявшее из людей завербованных, в постоянную армию с неизменным составом. Чтобы заполнить бреши, оставляемые в ее рядах войнами, и обеспечить новое пушечное мясо, он ввел воинскую повинность с чудовищным условием: солдаты должны были служить в армии двадцать пять лет. Дворянам еще больше не повезло. С двадцатилетнего возраста всех здоровых телом и душой молодых дворян обязывали призываться на службу, то есть служить государству в той или иной области - в армии, во флоте или в администрации - до самой смерти. Только ранение или полная дряхлость давали им право вернуться к частной жизни. Дворяне обязаны были отдавать государству не только свои физические силы, но и умственные способности, и, для того чтобы они могли это сделать наилучшим образом, Петр приказал им учиться. Все молодые люди дворянского происхождения должны были посещать специальные школы, в которых получали образование. Если они не посещали занятия добровольно, их приводили солдаты. Если они оказывали сопротивление, их подвергали порке, а если родители, слишком невежественные и суеверные, чтобы оценить преимущества культуры, прятали их, родителей тоже секли. Когда подневольные школяры достигали двадцати лет, их экзаменовали. Те, кто выдерживали испытания, назначались на государственные должности; те, кто проваливались,

осуждались на безбрачие и пожизненную службу рядовыми во флоте.

Чтобы вознаградить дворянство за вечные узы, привязывающие их к государству, или, вернее, чтобы облегчить им бремя, налагаемое царем, поместья, находившиеся в их владении только пожизненно, были превращены в наследственные имения. А так как обычно крестьяне всегда переходили вместе с землей, которую обрабатывали, то они теперь обратились в рабов дворян-помещиков, с которыми их прежде связывала скорее вассальная зависимость, чем отношения раба и господина.

Русское крестьянство, до возвышения Московского царства совершенно свободное, постепенно было доведено до состояния рабской неволи, а в середине XVI века правительство отняло у крестьян последний знак их древних вольностей - право покидать после окончания полевых работ своего помещика и наниматься к другому. Это право в значительной степени уже было ограничено Борисом Годуновым и наконец уничтожено сто лет спустя царем Алексеем Михайловичем. С того времени крестьянам строжайше запрещалось уходить от помещиков, за которыми они были закреплены. Однако они оставались на своей земле, так как переселение их было бы в ущерб государству. После царствования Петра помещики могли распоряжаться крестьянами по своему усмотрению, покупать и продавать их, как они покупали и продавали скот. И если только дворяне-помещики и их сыновья выполняли свои обязанности перед государством, последнее не вмешивалось в их отношения с крестьянами. Так крестьяне в полном смысле слова превратились в рабов дворян, и с этого времени ведет начало подлинное порабощение русского народа. Ибо государство всех в равной мере держало в своих цепях. От дворян оно требовало их кровь, их досуг, их жизнь. Народ помимо того, что отдавал своих сынов в армию, подневольным трудом содержал царских слуг и собственных помещиков, а податями из него выжимали деньги в казну. Подневольным трудом крестьян пользовалось и правительство, как это было при постройке по приказу Петра второй столицы. Толпы каменщиков, землекопов, плотников и других рабочих были согнаны со всех концов империи, и "под угрозой смертной казни и конфискации имущества" их заставили воздвигнуть на берегах Невы великий город, носящий имя его основателя. Думают ли ныне те, кто шагают по его широким проспектам, о сотнях тысяч безымянных рабов, на чьих костях был построен Санкт-Петербург!

Царствование Петра воистину было тяжелым временем для его подданных. Никогда еще ни один народ не вынуждался правителем приносить столь великие жертвы - отдавать свою жизнь и имущество. Жертвы, кстати сказать, в значительной степени напрасные, ибо если даже идеи великого реформатора были благородны, то методы их осуществления часто далеко не благоразумны. Он предпочитал насилие умеренности даже тогда, когда насилие не только противоречило его интересам, но было губительно для его планов. Но он сделал свое дело - Россия стала могущественной державой. Беспорядочные войска, из которых восемьдесят пять тысяч солдат были полностью истреблены двенадцатью тысячами шведов, Петр заменил постоянной, хорошо дисциплинированной и прекрасно снаряженной стовосьмидесятитысячной армией. Он увеличил доходы казны с трех до четырнадцати миллионов рублей. И главное, столь велика была сила, приданная народу европейской культурой, к которой он приобщил Россию, что ее мощь и богатство продолжали расти из поколения в поколение. Невзирая на бездарность большинства из многочисленных преемников Петра, Россия сохранила свое положение великой державы и благодаря своим завоеваниям на Балтийском море и выходу к Черному морю обеспечила для славян совершенную независимость и развитие национальной культуры, наиболее соответствующей духовному гению народа. Таковы были цели и таковы заслуги военной диктатуры, установленной Петром Великим. Она была исторической необходимостью, единственным средством пробудить страну от вековой спячки, в которую ее повергли теократические правители старого Московского государства.

Глава IX

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Но политический строй, как бы он ни подходил для одной эпохи и в одних условиях, становится в позднейшую эпоху при других условиях не только ненужным, но и пагубным. Вместо пользы он, наоборот, приносит вред, вместо содействия прогрессу углубляет реакцию. Так произошло и с русским самодержавием.

По мере того как культура и цивилизация по толчку, данному Петром, утвердились в стране и были приняты народом, элемент принуждения, введенный во всех областях общественной жизни, становился все менее необходимым и наконец совершенно потерял свой смысл. Во времена великого реформатора все, что имело хоть малейший налет "немецкого", то есть европейской культуры, приходилось буквально проталкивать в горло. Мальчиков загоняли в школы плеткой, а приглашения на придворные балы и ассамблеи сопровождались угрозами конфискации имущества в случае неявки. Ибо отцы и матери в ту пору держали дочерей под замком по восточному обыкновению и по старинному, свято чтимому обычаю их выдавали замуж за людей, которых они никогда прежде не видали.

Даже личная заинтересованность и жажда богатства не могли побороть силу лени и предрассудков. Россия владела богатейшими запасами полезных ископаемых - золота и менее благородных металлов, месторождения которых почти не разведывались. Когда оказалось, что забота о собственных выгодах не была достаточно побудительной причиной, чтобы развивать эту область деятельности, император применил новый стимул: издал суровые указы, заставлявшие владельцев рудников под угрозой строгих кар разведывать недра и извлекать прибыли как в свою собственную пользу, так и в пользу государства. В тех случаях, когда владельцы не торопились выполнять царские указы, частным предпринимателям давалось право открывать их рудники и присваивать руду, не испрашивая на то разрешения и не уплачивая арендной платы за разработку недр.

Но ушло всего лишь одно поколение, и все изменилось. Жажде наживы, преодолению предрассудков не требовалось более подхлестывания правительственными указами. Не довольствуясь уже открытыми рудниками, заводчики искали новые источники обогащения. Не приходилось уже штрафовать дворян за отказ сменить национальную одежду на европейскую или насильно стричь им бороды и за волосы таскать людей на балы и развлечения. Влияние моды и любовь к удовольствиям оказались более сильнодействующим средством, чем насилие и угрозы. Учителя в школах уже не пугали родителей и детей до потери сознания, ибо последние, сами ставшие теперь родителями, стремились дать своим детям то образование, которое им прежде внушало отвращение и страх. Так в частной жизни с принуждением было покончено по той простой причине, что некого было принуждать.

Подобный же результат был достигнут и в общих назначениях государства.

В царствование Петра III (1762), через три поколения после опубликования указа Петра Великого об обязательной для дворянства государственной службе, появился другой указ, известный как "Манифест о вольности дворян", которым последние освобождались от обязательной военной и гражданской службы без малейшего умаления их прав и привилегий. Причины, заставившие правительство изменить свою политику по отношению к дворянству, красноречиво говорят о том, какие глубокие перемены произошли менее чем за сто лет в социальном положении страны. На выразительном языке указа Петр Великий "повелел вступить в военные и гражданские службы и, сверх того, обучать благородное юношество", и "упомянутому установлению, хотя оно вначале несколько и с принуждением сопряжено было, но весьма полезное, последовали все со времени Петра Великого владеющие русским престолом". Но так как "полезное знание и прилежность к службе умножило в военном деле искусных и храбрых генералов, в гражданских и политических делах поставили сведущих и годных людей к делу... не находим мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была".

Если этот указ был вызван главным образом желанием угодить дворянству, он всецело оправдывался также требованиями государственной политики. Число дворян, способных и готовых служить, теперь было более чем достаточно, и их обязательная служба уже не вызывалась необходимостью. Поэтому нелепо было бы их к этому принуждать. Ни тогда, ни позднее царскому правительству не приходилось жаловаться на недостаток чиновников или офицеров - надо было лишь выбирать их из сонма претендентов.

Руководствуясь тогдашнее правительство прежде всего соображениями справедливости и разумной политики, за освобождением дворян тотчас последовало бы освобождение крестьян, ибо последние были превращены из зависимых в крепостных рабов только ради того, чтобы вознаградить дворян за обязательную государственную службу, введенную для них Петром. После снятия с них этого бремени помещики потеряли всякое право на подневольный и даровой труд хлеборобов. Возможно, что инстинктивная убежденность в этом крестьян и породила преувеличенные надежды, приведшие в те годы к многочисленным и частым бунтам. Но умозрительные размышления о справедливости не имеют большого значения

для политического развития страны. Крепостничество больше не соответствовало интересам государства, но было сохранено для выгоды дворянства.

Однако наступил конец и для этого установления. Крепостное право было отменено в 1861 году. Даже при всем желании нельзя недооценивать причин, вызвавших эту великую реформу. С одной стороны, это было чувство человечности нашего просвещенного общества, вдохновленного новыми идеями; с другой - желание раз навсегда устранить опасность насильственных потрясений, неизбежных до тех пор, пока огромная масса народа страдала под гнетом рабства. Однако обе причины существовали еще за пятьдесят лет до освобождения крестьян. Явно была еще и третья причина, более настоятельная, чем две первые, и потому перетянувшая чашу весов в пользу освобождения.

Эту третью причину не надо далеко искать. В любом учебнике политической экономии говорится - и опыт это подтверждает, - что в той стране, где преобладает система рабства, наступает момент, когда она становится невыгодной и даже пагубной для интересов государства. При высоких ценах на продукты питания раб, никогда не трудившийся с охотой, потребляет примерно столько же, сколько производит, и поэтому не дает никакой или почти никакой прибыли своему хозяину. Промышленное развитие уже совершенно несовместимо с подневольным трудом. Поэтому в России при освобождении крепостных крестьян исходили не только из гуманных чувств - оно стало экономической необходимостью. В течение так называемого подготовительного периода, с 1855 по 1860 год, когда Крымская война выявила всю бедность и отсталость России по сравнению с другими странами, самыми сильными доводами, приводившимися защитниками освобождения, были доводы экономического характера. И последовавший в ближайшие шестнадцать - восемнадцать лет после освобождения крестьян колоссальный рост производительных сил (пока, как мы дальше увидим, деспотизм не стал ставить новые палки в колеса) доказывает справедливость этих доводов и мудрость реформы. Как прямое следствие роста просвещения и социального развития в стране, с плеч народа было снято огромное экономическое бремя, наложенное на него средствами политического принуждения. Все назначения общественной жизни в стране теперь исполнялись без вмешательства правительства, просто путем самопроизвольной деятельности, стремления удовлетворять личные нужды членов общества. Не нужно было

больше кнута, чтобы гнать крестьян на поля и рабочих - на фабрики. Общественная жизнь стала более уравновешенной. Россия перестала быть действующим вулканом, ибо неумолимая ненависть раба к господину сменилась относительно умеренным антагонизмом между работником и работодателем.

Какая же, в таком случае, была надобность сохранить самодержавие - военную диктатуру? Какая надобность была правительству удерживать свою абсолютную и неограниченную власть, если ему приходилось лишь исполнять простые и мирные административные обязанности, как они исполняются в соседних странах? Это гротескная аномалия.

Царизм потерял свой политический *raison d'etre* - свое право на существование. Самодержавие стало бесполезным и, следовательно, тираническим и нетерпимым. Первыми это поняли просвещенные круги русского общества. Это они так сильно почувствовали несправедливость и позор того, что народ держат в кабале, это они так горячо боролись за его освобождение. Как же они могли не возмущаться подлинным рабством, в котором царизм держит их самих и всю страну?

Вполне естественно поэтому, что одновременно с движением шестидесятых годов за освобождение крестьян происходило также всеобщее движение среди русской интеллигенции за либерализм и все, что он означает. Но самодержавие оставалось непоколебимым. Благодаря своеобразному положению в стране правительство имело в своем распоряжении огромные силы, и оно было полно решимости сопротивляться до конца.

Две причины делают открытую борьбу против русского абсолютизма чрезвычайно трудной. Первая - это та, которая в продолжение всего нашего злосчастного прошлого оказала столь неопределимую услугу деспотизму, - беспредельные размеры страны, бесконечность пространств и бедность больших городов - условия, делающие общие, согласованные действия значительных масс населения физически почти невозможными. Вторая причина (менее важная, потому что не постоянно действующая, но, хотя она, несомненно, исчезнет в недалеком будущем, пока еще очень веская) возникает из отсутствия морального единства различных классов нашего общества.

В России нет буржуазии в собственном смысле этого слова, той буржуазии, которая совершила французскую революцию в 1789 году и дала народу руководителей и вожаков. Наша интеллигенция и либералы - большей частью те же бывшие

дворяне и мелкопоместные помещики, которым народ не простил зла, причиненного их отцами и дедами.

Таким образом, правительство, сумевшее максимально сосредоточить свои силы, имеет перед собой противника разъединенного и расколотого, физически и морально разобщенного. Стратегическое положение правительства поэтому особенно усилилось. Ловко используя свои преимущества, пренебрегая жизненными интересами народа и продолжая подавлять миллионные массы неграмотных крестьян, самодержавие ведет против интеллигенции непримиримую и беспощадную войну. Двадцать пять лет длится эта война, принимая все новые формы и становясь все более жестокой и отчаянной.

В последующих главах я хочу показать подлинный характер происходящей ныне борьбы и той стадии, которой она достигла. Затем мы попытаемся уяснить вероятные последствия этой схватки....

Продолжение в полной книги Степняка-Кравчинского «Россия под властью царей»

От редакции.

Так же хотелось напомнить, что на производство бумаги, красок, оборудования и этой книги затрачиваются огромные природные ресурсы и человеческий труд.

И чем бережней вы будете относиться к вещам – тем будет лучше для всех.

Также будем благодарны, если книжка после прочтения не будет пылиться дома, а вы поделитесь ей с друзьями и товарищами!

<http://goodbooks.noblogs.org>